

TABLE OF CONTENTS

ARTICLES

- Walter Laqueur. Quo Vadis, USSR?*5
- Robert C. Tucker. What Time is it in Russia's History?*58
- Igor Malov, Maxim Khrustalev (ed.). The History of Multi-Party Systems, 1917-1990. (Compiled by Interlegal Research Center, Moscow)*79

NATIONALITY PROBLEMS

- George Urban, Elie Kedourie. Nationalism and the Balance of Power* 164
- Gyorgy Csepeli. National Identity in Post-Communist Hungary*206

THE NEW LEADERS OF THE NEW PARTIES

- Oleg Rumiantsev. Reforms in Russia: The Position of the Democrats*234

СТАТЬИ

Уолтер Лакер

КАМО ГРЯДЕШИ, СССР?*

Политические прогнозы всегда легче всего делать, когда в них из-за стабильных показаний политического барометра меньше всего нуждаются. Но в периоды быстрых и бурных изменений это занятие делается весьма нелегким. Тем, кто превыше всего ставит осмотрительность и отсутствие риска, следует избегать высказываться по поводу нынешней ситуации в Советском Союзе, им можно лишь посоветовать и дальше избегать возможных ошибок, помалкивая. Вот только хранить молчание им, возможно, придется довольно долго.

Я говорю здесь не о судьбе какого-то лидера или руководящей группы, а об общем процессе изменений в советском обществе и государстве. Для этого нужно обсудить широкий спектр возможностей и альтернатив, так что любители однозначных выводов могут где-то испытать разочарование. Но в Советском Союзе политические процессы предопределены не более чем в любой другой стране, и поэтому вряд ли разумно рассчитывать на что-то существенно большее. Как заметил однажды Френсис Бэкон, тот, кто с самого начала во всем уверен, закончит сомнениями. Но если начать с обсуждения возможностей, то в итоге можно прийти к каким-то вероятным выводам.

Все согласны, что с недавнего времени в Советском Союзе и в Восточной Европе происходят события исключительной важности. Советское движение за реформы может иметь далеко идущие последствия, а откровениям эпохи гласности

* Отрывок из книги "Soviet Union 2000. Reform or Revolution".
St. Martin Press. New York, 1990.

невозможно не изумляться. Все это возбудило волну эйфории, которая, приходится признавать, на Западе выше, чем на Востоке — там куда лучше осознают непомерность трудностей, встающих перед реформаторами. Те же факторы вызвали и крах советской империи в Восточной Европе.

Однако уже в начале 1989 г. прояснилось, что повсеместно ожидавшиеся на ранних этапах перестройки результаты не достигнуты, и перспективы их осуществления по-прежнему далеки. Некоторые винят в этом политических лидеров, якобы недостаточно радикальных, другие с недовольством отмечают, что делается слишком много экспериментов в большом числе направлений, что старая система обладала не одними только минусами, и что не стоит пытаться вводить в Советском Союзе всевозможные политические, социальные и экономические системы (такие, как рынок и парламентская демократия), плохо согласующиеся с его традициями, стремлениями и специфическими потребностями. Говорилось также, что ожидания ощутимых изменений в течение всего лишь нескольких лет были иллюзорными и что на реформирование страны потребуются десятилетия, а в промежуточный период потребуются сильная рука, без чего не удастся управлять в приближающееся бурное время.

Скептики утверждали, что сложившийся в Советском Союзе режим вообще невозможно реформировать, и говорили о тщете любых попыток исправления его ошибок, которые, по их мнению, не могут не привести к дальнейшему ухудшению или, возможно, даже к внезапному коллапсу. Стоявшие на более оптимистических позициях указывали на внутренние ресурсы страны и связывающие ее воедино силы и полагали, что в конечном счете перемены должны привести к прогрессивным сдвигам, несмотря на все временные неудачи, политические зигзаги и отступления. Но в любом случае уже не оставалось иного пути, кроме попытки изменить существующее положение. Система испытывала кризис уже в течение десятилетий, но до 1985 г. не приходилось и думать о признании общего состояния дел чем-то иным, кроме полного совершенства, и что перспективы на будущее не так уж великолепны. Более

реалистические оценки появились только с приходом гласности.

На Западе была широко распространена точка зрения, что все перемены в Советском Союзе начались совершенно неожиданно. Кто бы в 1985 г. предположил, что в течение трех лет будет достигнута такая свобода взглядов и суждений? В некоторых кругах верили в относительную стабильность советского режима и в относительную удовлетворенность населения Советского Союза. Подобным же образом иные наблюдатели разыгравшихся на восточногерманской сцене событий как раз перед падением Хонекера в октябре 1989 г. стояли на том, что его режим отнюдь не был непопулярным и что руководство ГДР в силу многих своих достижений не имело оснований испытывать страх за свое политическое выживание. Но были и такие, кто видел события в Восточной Европе в не столь розовом свете и ощущал приближающийся кризис, хотя, возможно, не очень остро. Однако даже замечавшие его признаки были не в состоянии сколько-нибудь уверенно предположить, когда именно наступят изменения и в чем они будут проявляться.

Сегодня ситуация еще сложнее нежели до 1985 г., принимая во внимание политическую поляризацию общества и социальную и национальную напряженность в стране, прежде не проявлявшиеся в такой мере. Былое отсутствие открытого проявления противоречий было плодом застоя, сегодня же застой кончился, и противоречия всплыли на поверхность. До 1985 г. казалось возможным лишь продолжение статус кво, сегодня же перед нами почти бесконечное разнообразие возможностей.

Нет шансов, что к концу этого десятилетия Советский Союз превратится в государство всеобщего благоденствия по скандинавскому образцу или в хорошо функционирующую парламентскую демократию. Однако и полный крах в близком будущем почти столь же невероятен. Выполненные в сенсационном духе сценарии захватывают воображение, но для понимания ситуации надежнее очевидные, даже тривиаль-

ные рассуждения. В реальном мире всегда существуют самые различные факторы, стабилизирующие и замедляющие развитие событий. Кризисы, даже тяжелые и опасные, — неизбежный удел человеческих сообществ, тем не менее они все-таки редко кончатся самоубийством.

В 1987-1989 годах постепенно создавались ножницы между творческой, духовной и культурной сферой, иначе говоря, гласностью, с одной стороны, и материально-экономической сферой, т.е. перестройкой, — с другой. В то время как гласность привела к значительным прогрессивным сдвигам, перестройка не дала достижений, и не нужно обладать пророческим даром, чтобы осознать, что такое положение дел не может сохраняться вечно. Каждый тогда соглашался, что Советский Союз двигался навстречу очень трудным временам, однако отсутствовало единство мнений относительно того, как бороться с надвигающимися трудностями. Информированные наблюдатели были единодушны в том, что конец авторитаризма в Советском Союзе все еще не близок — в противоположность тем, кто поддавался первоначальной эйфории как на Западе, так и на Востоке. Однако никто не мог сказать с уверенностью, как далеко зайдет политическое руководство на попятном пути к политике сильной руки и как долго оно будет двигаться в этом направлении.

Но хотя невозможно предсказать, как будет управляться Советский Союз, скажем, через год и каковы будут тогда общественные настроения в этой стране, то все-таки возможны достаточно обоснованные комментарии относительно долговременных политических и экономических шансов независимо от личных судеб того или иного лидера в ближайшие годы.

Вот убедительный пример подобного прогноза, сделанного Эйгеном Рихтером (1838 - 1906 гг.), лидером либералов в германском парламенте в последнюю четверть прошлого столетия, который был специалистом по бюджетным делам и злым гением Бисмарка. В 1891 г. Рихтер написал неболь-

шую книгу, что-то вроде политической фантазии, в которой обсуждал последствия воцарения на германской земле правительств, действующего в духе ортодоксального марксизма.¹ Итогом такого развития событий, писал Рихтер, будет массовое бегство населения через границы. Сперва страну покинут пенсионеры - небольшая потеря для государства. За ними последуют многие художники и писатели, но власти и этим не слишком огорчатся, поскольку все равно не будет недостатка в литераторах, готовых прославлять существующий режим. С точки зрения властей, среди интеллектуалов немало подрывных элементов, так что не стоит препятствовать им покидать страну. Затем должен будет последовать исход из страны профессионалов — инженеров, учителей и медиков. На этом месте, согласно модели Рихтера, эмиграция будет прекращена и многократно усиленные пограничные части получат приказ безжалостно стрелять в беглецов.

Именно это в точности произошло в Восточной Германии. Встает вопрос, как писатель смог за девяносто девять лет предугадать реальное развитие событий? Эйген Рихтер не был ни крупным политическим философом, ни автором политической фантастики масштабов Герберта Уэллса или Джорджа Орвелла. Скорее он был человеком с хорошо развитым здравым смыслом, инстинктивно осознающим, что люди, лишенные минимума свободы, будут несчастны, и многие в таком случае попытаются бежать. Один из величайших писателей античности заметил, что здравый смысл и есть лучший пророк. Такой подход имеет свои изъяны, но чаще приводит к правильным выводам, нежели к ошибкам, и до сих пор не создано других столь же надежных методов.

Год 1989-й для Восточной Европы оказался поистине чудесным. На путь радикальных реформ встали сперва Польша и Венгрия, затем Восточная Германия и Чехословакия — и повсюду это сопровождалось крахом традиционных коммунистических властных структур. Это был конец предшествующей эры, и подавляющее большинство населения этих

¹ *Eugen Richter. Sozialdemokratische Zukunftsbilder. (Английское издание этой книги через несколько лет было опубликовано в Лондоне).*

стран приветствовало его с энтузиазмом. Более того, повсюду кроме Румынии перемены были бескровными. Однако с самого начала было ясно, что падение диктатур знаменовало лишь начало трудного переходного процесса. Все восточноевропейские страны столкнулись с экономическими трудностями, для разрешения которых не было наготове быстрых и легких способов. Демократические традиции в странах Восточной Европы либо слабы, либо были подавлены на протяжении жизни целых поколений. Хотя правящие коммунистические партии полностью утратили популярность, не было уверенности, что новые демократические силы проявят достаточно единства и упорства и что они будут сотрудничать ради сохранения нового порядка.

В СССР коммунизм — не импортированная из-за рубежа система, он укоренен глубже, нежели в Восточной Европе. Русская националистическая оппозиция коммунизму, в отличие от подобной оппозиции в Восточной Европе, не является антиимпериалистической. В Восточной Европе лишь незначительная часть населения сопротивляется введению многопартийной системы и включению частной инициативы в сферу экономики, а в СССР сторонники рынка встречают сильное сопротивление повсюду за исключением прибалтийских республик.

Таким образом, Советский Союз и Восточная Европа движутся в различных направлениях, что внесло дополнительный вклад в общую неопределенность... В новой европейской структуре возникновение объединенной Германии откроет для Советского Союза новые внешнеполитические возможности. С одной стороны, это событие неизбежно приведет как минимум к ослаблению НАТО, с другой, — как на Востоке, так и на Западе Европы возникнет потребность в Советском Союзе как в противовесе единой Германии. Этот новый баланс сил вполне может привести к возникновению немислимых вчера объединений и союзов. Не исключено, что главные европейские страны в 1990-е годы сделают выбор в пользу социал-демократической политики.

Если подобные тенденции будут развиваться и в Советском Союзе (а это допущение из числа тех, которые ни в коем случае нельзя принимать в качестве непременно выполняющихся), то идея "общеевропейского дома" или, самое меньшее, идея "совместных действий европейских государств" может стать чем-то более значительным, нежели просто лозунгом.

Некоторые советские комментаторы продолжают утверждать, что сложности проведения реформ в их стране проистекают из недостаточного осознания обществом серьезности сложившейся ситуации, но как только будет повсеместно признано, что государство находится на краю пропасти, подлинные перемены не замедлят последовать. Какого рода изменения они имеют в виду? Довольно распространено мнение, что экспериментирование зашло уже слишком далеко, и только возвращение к старой системе, при которой все планировалось из центра (или, по крайней мере, существовала видимость такого планирования, что часто не соответствовало действительности), создает возможность выхода из нынешнего тупика. Другие говорят, что хотя для множества советских людей идея рынка и частной инициативы неприемлема, все же возможно, что какой-то советский де Голль (иначе говоря, лидер, выдвинутый правым крылом, но проводящий политику левого толка) убедит своих соотечественников начать движение вперед. Однако СССР в 1990 г. — это не Франция периода алжирской войны, которая создавала видимую угрозу самому существованию республики. Русская революция, сталинизм и послесталинская эра были явлениями уникальными, точно так же любые сравнения нынешней советской ситуации с иными политическими режимами и обществами могут лишь отчасти помочь в ее понимании, поскольку ставшей недееспособной коммунистической системе нет покамест альтернативы.

Как гром с ясного неба грянули волнения в неславянских республиках, прекращение которых не представляется близким. Даже если какие-то из этих республик отделятся от Союза, это не приведет к решающему сдвигу в балансе сил. Пока не ясно, смогут ли такие отделившиеся государства стать

жизнеспособными. Если советскому руководству придется постепенно отпустить, скажем, Азербайджан, Литву и Молдову, то речь пойдет об изменениях, затрагивающих 1-2% советской территории, менее 5% населения, менее 3% производства нефти. К тому же отделение неславянских республик от Союза вряд ли произойдет в течение нескольких ближайших лет, и при этом не обойдется без трений и конфликтов, подчас сопряженных с насилием. Однако более вероятно, что будет сделана попытка преобразования ныне существующей системы в менее жестко связанную конфедерацию — или попытка восстановления единства силой. В одних случаях такие действия могут привести к успеху, в других — провалиться. В случае провала неизбежно победят сепаратисты, и новая Россия будет состоять из нынешней РСФСР в федерации с Украиной, Белоруссией и, возможно, несколькими другими республиками.

На наших глазах распадается "союз нерушимый республик свободных". Но все же время от времени полезно вспоминать, что в 1917 г. Россия выглядела стоящей на краю полного расчленения и что в 1945 г. Германия потеряла почти половину своей территории, однако обе страны в течение трех десятилетий вернулись в число основных игроков мировой политики. В конечном итоге вопрос, останется ли Советский Союз (или Великороссия) мировой державой, будет решен в Москве, Кузбассе, на Урале и в Сибири, а не в Баку, Фергане или Каунасе.

Но это — дела довольно далекого будущего. А девяностые годы, несомненно, будут очень турбулентным десятилетием. Отнюдь не исключены внезапные смены высшего руководства. Комбинация экономического кризиса и сепаратистских тенденций вовсе не способствует постепенной демократизации. Когда большинству приходится выбирать между хаосом и тиранией, оно обычно делает выбор в пользу сильного руководства. За долгие годы и у русского населения, и у других народов накопился мощный заряд страха, неуверенности и глухого недовольства. Этот комплекс может открыть дверь политическим демагогам, утверждающим, что

кто-то же должен ответить за то, что все пошло из рук вон плохо. В стране растет потребность в проповедниках теорий, объясняющих все беды наличием скрытых врагов, готовых всадить нож в спину собственной стране, как это происходило в Германии после первой мировой войны. Пока кремлевские часы отзванивают начало последнего десятилетия XX века, немало новоявленных спасителей отечества предлагают свои услуги. Нельзя заранее исключить возможности ни погромов, ни военно-политического заговора для прекращения общественного хаоса.

Я попытаюсь обрисовать историческую перспективу, границы которой во времени будут проходить (сколь бы спекулятивной ни казалась такая задача) не только за преемниками Горбачева, но и за преемниками его преемников. Коммунизм в целом провалился. Но каковы реальные возможности выбора у советского руководства в послекоммунистической фазе? Личности будут меняться и, по всей вероятности, их доктрины, но стоящие перед Советским Союзом проблемы особенно не изменятся. Коммунизм оказался неработоспособным экономически, а коммунистическая диктатура — дискредитированной. Однако для квазикапиталистической экономической системы перспективы в Советском Союзе выглядят не более блестящими, чем для парламентской демократии. Решение проблемы в китайском духе не будет вечно работать даже в самом Китае, не говоря уже о более развитых странах. Не исключено, что польский опыт 80-х годов — военная диктатура в качестве прелюдии — указывает один из возможных сценариев. Но никому и ничему не дано повернуть исторические часы для Советского Союза в обратную сторону, заведя их на бесконечность — не помогут ни иеоленинизм, ни консервативный популизм, ни любая из еще не опробованных разновидностей фашизма. Однако пока большинство населения СССР не будет готово к фундаментальным нововведениям радикальный разрыв с прошлым не выглядит осуществимым. Страна будет осциллировать между различными политическими и экономическими системами, пока, наконец, не остановится на той, которая лучше всего соответствует ее нуждам и устремлениям. Каждый из

описанных ниже сценариев сегодня выглядит возможным, и вполне вероятно, что многие из них будут опробованы в ближайшие годы.

Первый сценарий. Высшее руководство делает выбор в пользу радикальных политических и экономических мер: постепенно вводится многопартийная система того или иного рода; делаются далеко идущие уступки нерусским народам, включая право на отделение; крестьяне получают право свободно трудиться на своей земле; проводятся глубокие реформы в промышленности и торговле. Однако подобная политика может и не получить достаточной массовой поддержки, особенно в ее экономической части; кроме того, найдутся значительные бюрократические силы, которые, несомненно, попытаются ее торпедировать.

Различные течения оппозиции партийному аппарату, судя по выборам, демонстрациям, забастовкам и т.д., имеют между собой не так уж много общего, за исключением недовольства номенклатурными привилегиями, а также раздражения и злобы, порождаемых низким уровнем жизни, плохим снабжением и общей разрухой. Некоторые новые оппозиционные лидеры исповедуют левый популизм, некоторые — правый, кое-кто видит образец в западных обществах; среди них есть и коммунисты различных разновидностей и антикоммунисты. Однако ни у кого нет отчетливых представлений о решении самых насущных проблем. Фактически внутри советской компартии с 1988-1989 гг. уже существует многопартийность. Такое положение может продлиться несколько лет, но рано или поздно, по всей вероятности, произойдет раскол по тем же самым линиям (консерваторы, реформисты, радикалы). Будет продолжаться отход от ленинизма, возникнут новые партии социал-демократического или несоциалистического толка. Могут появиться региональные и этнические блоки, подобные существовавшим в царской Думе до революции; возможно учреждение крестьянской партии, партий за сохранение окружающей среды левой и правой ориентации, выступающей от имени коренных сибиряков, и не исключено даже что

появятся группы давления с какими-то конкретными целями — от воздержания от спиртного до антисемитизма. Из-за отсутствия демократических традиций и высокой вероятности того, что никакому советскому правительству не удастся в ближайшие несколько лет добиться существенного прогресса в экономике, вполне можно ожидать в будущем каких-то попятных антидемократических движений.

Затруднения, с которыми в скорости предстоит столкнуться Советскому Союзу, можно предугадать по опыту большинства восточноевропейских стран при переходе к многопартийности и рождении десятков национальных и региональных групп. Если принять во внимание уже отмеченную неразвитость демократических традиций, поляризацию общественного мнения и ухудшение экономической ситуации, приходится признать, что на сегодняшний день перспективы возникновения в СССР демократии в западном стиле не выглядят особенно обнадеживающими. Самое большее, на что можно рассчитывать — это режим президентского правления с какими-то демократическими чертами, когда именно в руках президента будет сосредоточено принятие основных решений, которые будут осуществляться государственной бюрократией.

Второй сценарий. Возникновение в партийном руководстве центристского большинства, направляемого либо единственным лидером либо группой лидеров под лозунгами "хватит экспериментов", "нормализация" и "восстановление народного доверия". Такие лидеры будут придерживаться средней линии, и потому смогут с равной легкостью, в зависимости от обстоятельств, стать как деятелями умеренного толка, так и консерваторами. Более всего они будут стремиться выиграть время. Но подобный необрежневизм в лучшем случае может стать лишь временным выходом.

Третий сценарий. Военная диктатура, опирающаяся на популистские лозунги типа "Рабоче-крестьянская власть без коммунистической партии!" и возглавляемая комитетом национального спасения. Армейские командиры получают

поддержку части партийного руководства и КГБ, но все-таки главной силой будут сами военные, поскольку они все еще пользуются достаточным престижем среди населения, несмотря на эрозию этого престижа из-за неудач последних лет. ("Только армия может спасти нас от падения в пропасти")

Однако все эти сценарии покоятся на предпосылках, которые нельзя безусловно принимать на веру: это, во-первых, единство военного командования и, во-вторых, готовность солдат подчиниться приказам стрелять в мирное население собственной страны. Даже если первоначально армия будет действовать как единое целое, нельзя исключить возможности последующих конфликтов в ее руководстве, переворотов и контрпереворотов. Подавление массовых беспорядков с помощью военной силы чревато опасностями. Как только приказам перестают подчиняться, все здание рушится, и вместо выбора в пользу военного решения внутренних проблем остается лишь угроза гражданской войны.

Четвертый сценарий. Военная диктатура порождает несколько альтернатив, но в любом случае она будет популистской и ее основой будет русский национализм. Диктатура может иметь главной целью удержание за собой возможно большей части бывшей советской империи или пойти по великорусскому пути, позволив неблагодарным национальным формированиям выйти из Союза при условии, что будет гарантирована его безопасность. Уязвимость этого сценария в том, что этот режим не в состоянии предложить выход из экономических и социальных трудностей Советского Союза. На следующий день после переворота возобладает общественная апатия, и очень скоро страна окажется в худшем положении, чем до него.

Пятый сценарий — диктатура кемалистского типа, стремящаяся осуществить модернизацию путем революции сверху, постепенно привести страну к демократическим институтам и осуществить глубокие экономические перемены. По перспективам этот вариант аналогичен первому сценарию. Однако многие специалисты полагают, что время

для него уже упущено, что такое решение имело хорошие шансы на успех только вскоре после смерти Сталина.

Шестой сценарий. Всегда возможны и иные альтернативы — скажем, внезапное появление харизматического лидера, но это мало вероятно. Пока центр располагает достаточной властью для предотвращения гражданской войны, если процесс общей дезинтеграции не зайдет слишком далеко. Если же ослабление центра продолжится, дефициты обострятся, а общий упадок и кризис доверия не будут преодолены, то станет возможной гражданская война или, скорее, традиционный русский бунт, т.е. массовый мятеж, анархический в своей основе, разрушительный и не имеющий никаких ясных целей — просто взрыв прежде подавленного гнева. Но даже гражданская война или бунт не будут продолжаться вечно. Рано или поздно центристские силы возобладают и станет возможным возрождение прошедшей чистилище новой России.

Наиболее вероятным представляется развитие событий, при котором, в конце концов, предпринимавшиеся с 1986 г. реформистские инициативы возобновятся в более продуманной, всеохватывающей и радикальной форме. Но никому не дано знать, сколько времени продлится движение по обходным путям и какой ущерб будет причинен стране на этом этапе.

В конце 1989 г. самой популярной, обсуждаемой и вызывающей больше всего споров фигурой в Советском Союзе был не Михаил Горбачев и не кто-то из его оппонентов, а врач Кашпировский, ставший телегероем. Во время своих частых выступлений он обещал излечивать гипнозом от наркомании и алкоголизма, а также уменьшать нестерпимую физическую боль или даже полностью ее прекращать. Эти посулы были приняты всерьез миллионами телезрителей, хотя многих врачей и не только их он не убедил. Феномен Кашпировского привлекал общественное внимание как никакой другой — в России традиция веры в чудесные исцеления очень сильна, возможно, сильнее, чем в других частях света. Насколько сильна сегодня вера в политические и экономические рецепты

а-ля Кашпировский, т.е. быстрые, радикальные и, главное, безболезненные? Советские люди должны были бы знать уже на своем долгом и горьком опыте, что чудесных избавлений не бывает ни в политике, ни тем более в экономике. Но, с другой стороны, широкие слои населения долгое время дезориентировали, и чем отчаяннее ситуация, тем больше искушение следовать за ложными пророками. В ближайшие годы очень многое будет зависеть от степени зрелости противостояния советских граждан своим трудностям. Именно на данной стадии борьбы с ними, когда исход решается более психологическими, а не "объективными" факторами, его труднее всего предугадать.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА: НЫНЕШНИЕ ТЕНДЕНЦИИ Будущее Советского Союза: оценка

Как широк спектр возможностей Советского Союза в выборе направлений развития в ближайшие годы? В истории всегда какую-то роль играет случай (так же как и личности). Автор письма, помещенного в одном из советских еженедельников, отметил, что избрание Горбачева на пост генерального секретаря в 1985 г. отнюдь не было предопределено, на это место мог быть выдвинут кто-то другой, и в таком случае не было бы ни гласности, ни перестройки. Нельзя не признать справедливости этой логики. Но верно и то, что в 1985 г. Советский Союз уже стоял перед экономическим, социальным и политическим кризисом. Любой преемник Константина Черненко оказался бы перед настоящей необходимостью вплотную заняться стоящими перед страной проблемами. Фактически уже Юрий Андропов начал, хотя и без особого вдохновения, проводить реформистскую политику, но более ориентированную на перестройку, чем на гласность. Не исключено, что после 1985 г. мог бы возобладать другой курс и призывы к переменам звучали бы не столь явственно; свобода в культуре была бы куда более ограничена; различного рода разоблачения захватили бы более узкую сферу, а осуждение Леонида Брежнева и всего периода застоя,

возможно, не было бы столь резким. Однако невероятно, чтобы по прошествии какого-то времени, скажем, пяти или десяти лет, любой обладатель поста генерального секретаря смог бы игнорировать опасности, подстерегавшие советскую экономику и советское общество — такие как ухудшение настроений широких масс, поворот от относительного оптимизма 1960-х годов к пессимизму, цинизм и эрозия общественного доверия.

Но возможно, что другой руководитель мог бы навязать другие политические решения одолевающих Советский Союз трудностей — скажем, более агрессивный внешнеполитический курс с большим акцентом на том, что сейчас эвфемистически называют "административно-бюрократический командный стиль"? В этом случае пропаганда велась бы более традиционными методами, модернизация и демократизация занимали бы в ней куда более скромное место. Отнюдь не невозможно, что в случае неудачи нынешней политики произойдет сдвиг как раз в этом направлении. Однако в 1985 г. политический барометр указывал на более серьезные перемены. Продолжение прежнего дискредитировавшего себя политического курса отягчило бы кризис в стране, вызвало бы дальнейшее падение морали и увеличило бы брешь между советской реальностью и ее официальным образом. В этом случае не прошли бы демонстрации по улицам Москвы, Еревана и Таллина, но процесс внутреннего распада все равно бы развивался, и общее окостенение сделало бы более вероятным возникновение в более или менее близком будущем еще более разрушительного кризиса. Попытка найти выход во внешнеполитической активности тоже была бы бесполезной. Афганистан можно было бы принудить к покорности, стянув туда еще больше войск, но в чем бы был выигрыш?

Ни у кого не было желания идти на риск большой войны. Уже к 1983 г. стало ясно, что результаты советской внешней политики предшествовавшего десятилетия оказались весьма скромными. Эта политика вовлекла страну в гонку вооружений, которую она едва ли могла себе позволить, стимулировала объединение потенциальных противников Советского Сою-

за и не способствовала защите советских интересов в странах третьего мира. Политика, твердо нацеленная на дальнейшую экспансию, без оглядки на затраты и риск, могла бы выглядеть реальной альтернативой прежнему состоянию дел. Но такая жесткая линия не нашла бы особой поддержки ни в народе, ни со стороны руководства.

В ретроспективе избрание Горбачева представляется исторической случайностью. Вряд ли его сторонники сознавали, что их кандидат со временем зайдет в политике перемен куда дальше, нежели они сами этого хотели. Но верно также, что горбачевская альтернатива в то время была наиболее вероятной реакцией на неудачи прошлой политики. Уверенности в успехе реформ не было, но попробовать такую политику было, пожалуй, необходимо.

Сегодняшняя оценка ситуации в СССР наталкивается на некий парадокс. Сейчас имеется куда больше доступной информации относительно разных аспектов советской политики нежели в течение последних шестидесяти лет. Тем не менее прогнозирование будущего Советского Союза, став более захватывающей интеллектуальной задачей, не стало проще. При Сталине и его преемниках поведение СССР в основных чертах было более согласованным и предсказуемым, чем сегодня. В стране возникли и продолжают возникать новые социальные и политические силы, что делает процесс принятия решений более сложным и запутанным. Хотя монополия партии на политическую власть еще в коей мере не разрушена и в случае необходимости будет без колебаний восстановлена в полном объеме, во многих аспектах советской внутренней, экономической и международной политики существуют разногласия во мнениях и расхождения интересов. Ныне не преждевременно говорить о глубоком, устойчивом расколе в советском руководстве. Но его члены все же во многих отношениях связаны друг с другом и готовы выступить единым фронтом против пришельцев со стороны. Если между ними нет единства, то размежевание по идеологической ориентации, по стилю руководства, основным приоритетам и по готовности к социальным и экономичес-

ким нововведениям происходит более чем по двум линиям. Все стало теперь намного сложнее. Если при Сталине решающим фактором была воля (или каприз) диктатора; если при Никите Хрущеве и Леониде Брежневем расхождения внутри руководства были незначительны, то сегодня это уже не так, и вряд ли положение изменится в обозримом будущем. Нынешняя общая тенденция скорее к разделению, нежели к единству, но это не обязательно приведет к смертельному конфликту, несмотря на то, что у советских политиков нет навыков разрешения разногласий путем их обсуждения и взаимных уступок, и нет уверенности, что этот эксперимент увенчается успехом.

В течение столетий Россия знала долгие периоды тирании и лишь немногие месяцы свободы. Крепостное право было упразднено лишь 130 лет назад, и это глубоко влияло и влияет на менталитет и общественные институты. Лермонтов писал о России как о "стране рабов, стране господ", но сегодняшняя Россия — это не Россия 1860 г. Современным обществом нельзя управлять как старой русской деревней, хотя эта истина является источником постоянных сожалений для тех советских граждан, которые испытывают ностальгию по былым временам.

Известный философ и социолог Раймонд Арон отметил однажды, что революции во Франции подчас удаются, реформы же — никогда. Если бы русская история была для нас единственным источником параллелей и аналогий, то не осталось бы ничего иного как прийти к выводу, что горбачевские реформы при всей их ограниченности все равно обречены на провал — уроки прошлого не оставляют сомнения в том, что Россия нуждается в сильной власти, которая одна способна навязать ей свою волю и обеспечить дисциплину. История также учит нас, что российская держава неизменно расширялась со времен Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Перемены в России, за немногими исключениями, всегда приходили сверху. Однако можно ли навязать сверху свободу и независимость, хотя бы в малых дозах? Даже если реформы Горбачева обернутся неудачей, они все же заставят страну сделать нес-

колько неуверенных шагов вперед. Но не правильнее ли заключить, что хотя российские реформы никогда не были вполне успешными, они часто приводили к определенным переменам — так было от Петра Великого до Александра II и П.А.Столыпина?

Ряд других наций (и религий), тоже избрали путь воинствующей экспансии, но во всех случаях эта экспансия замирала после каких-то пределов либо потому, что те, кому она угрожала, находили силы успешно сопротивляться, либо в силу ослабления по тем или иным причинам исходного экспансионного импульса. Одной из особенностей века *гласности* является тенденция к переоценке периметра государственного интереса, а в некоторых случаях — даже к избавлению от убыточных приобретений. Это не значит, что в настоящее время изоляционизм СССР уже гарантирован, поскольку коммунизм, казавшийся некогда провозвестником будущего, израсходовал свои движущие силы; идея мировой революции была отброшена фактически много десятилетий назад, а концепция насильственно импортированной революции уже немодна в каких кругах советского общества.²

Советское руководство при случае еще может попытаться использовать благоприятные геополитические обстоятельства в различных частях земного шара, особенно поблизости от советских границ (например вакуум власти в Европе или на Ближнем Востоке), но это имеет мало общего с теми специфическими идеологическими компонентами, наличие которых в свое время делало советскую внешнюю политику отличной от политики прочих держав.

Выше уже отмечались трудности оценки направлений развития событий и ситуации в Советском Союзе. Число существенных для этого факторов сейчас возросло, что усложняет задачу, хотя сами эти факторы известны лучше чем прежде. Однако в любом анализе следует исключать крайние варианты как наименее вероятные. К их числу относится бы-

² Показательно, что нынешние правые в России считают вторжение в Афганистан акцией в духе традиций Льва Троцкого.

стрый и полный успех горбачевских реформ, приводящий к резкому улучшению в экономической и политической ситуации в Советском Союзе в течение нескольких ближайших лет. Другая в равной мере невероятная возможность — полный провал, внутренний крах, приводящий к распаду советского государства. Но если не принимаются во внимание эти возможности, то оставшийся спектр оказывается не очень широким.

На какие перемены рассчитывает партия реформ? Прежде всего это нововведения в экономике, в политической и социальной сферах, меняющие существующее положение в той степени, в какой оно тормозит экономический прогресс. Концентрацию внимания на сфере экономики не трудно критиковать, но следует взять в расчет, что сейчас экономические проблемы выглядят более насущными, нежели все прочее, и что решительных действий в этой области требует все население, в то время как к политическим реформам в целом то призывают лишь некоторые его слои. Прежние потенциальные реформаторы — от Косыгина до Андропова — поддерживали в каких-то дозах децентрализацию (которая на деле никогда не проводилась), в остальном же более всего полагались на призывы к усердной работе. Предложения Горбачева основываются на идеях, высказывавшихся еще в начале 1980-х годов реформистски настроенными экономистами и социологами вроде Абея Аганбегяна и Татьяны Заславской и идут куда дальше — до призывов вернуться к временам НЭПа. При этом имеется в виду произведенное Лениным ослабление контроля над экономикой, который был введен при военном коммунизме и фактически ее парализовал. Сегодняшние руководители сознают, что нынешняя ситуация существенно отличается от условий, доминировавших в 1920 г., но некоторые основополагающие идеи и сегодня выглядят столь же правильными, как в прошлом: усилить участие в игре рыночных сил и частную инициативу (скорее кооперативы, чем государственные предприятия), поощрять полуиндивидуальное фермерство, уменьшить мертвящую власть бюрократии, которая годами предписывала все действия в мельчайших подробностях и неизбежно

убивала дух предприимчивости и ответственность. Одна из ленинских статей называлась "Лучше меньше да лучше". Этот лозунг и контроль за качеством стали заповедями сегодняшнего дня. В течение десятилетий целью советской экономики были количественные, а отнюдь не качественные показатели, что приводило к поистине абсурдным последствиям. Советский Союз производил во много раз больше тракторов и хлебоуборочных комбайнов, чем Соединенные Штаты, однако, в конце концов, стал импортировать зерно из Америки. Годовое производство обуви достигло 800 млн. пар, в три раза превысив соответствующий американский показатель, однако ее качество оставалось столь низким, что кризис в снабжении населения обувью стал хроническим.

"Возвращение к НЭПу", однако, не было идеальной программой. Этот лозунг породил нежелательные ассоциации — ведь в советском лексиконе само слово "нэпман" имеет негативный заряд, обозначая жулика и эксплуататора. Нетрудно было указать на цитаты из сочинений Ленина в поддержку НЭПа, но справедливо и то, что Ленин рассматривал НЭП лишь как переходное явление, и совсем не очевидно, что именно имеют в виду в качестве конечной цели новейшие реформаторы. Верно, что антибюрократическая кампания приобрела популярность — от этой напасти страдали все советские граждане. Но даже если совершенно пренебречь сообщениями о неразвитости духа предпринимательства в стране, остается такой осложняющий фактор как широко распространенный и иногда выражаемый открыто страх, что новые реформы, подобно НЭПу, окончатся репрессиями против тех, кто преуспел при новой экономической политике. Советские люди слишком хорошо знают, что партия, что-то уступив, всегда может отобрать уступленное.

Как можно убедить население, что на этот раз для подобных страхов нет оснований? Новое руководство имеет дело с населением, которое долго приучали слепо повиноваться властям и не оспаривать их мудрость. Вплоть до недавнего времени было само собой разумеющимся, что массы должны верить в наступление лучших времен в результате решений

верховного руководства, со времен Ленина наделенного якобы магической силой. Однако даже самые большие оптимисты среди государственных реформаторов и их советников знают, что достижение ощутимых результатов займет 10-15 лет и даже больше; за них придется платить потом, кровью и слезами, и все эти годы сами реформаторы будут политически более уязвимы, чем раньше — ведь они убеждают усерднее работать за ту же, а то и за меньшую оплату труда.

Советская система более всего гордилась гарантией сохранения рабочего места. Насколько бы эффективной ни была какая-то фабрика, сколь бы низкой ни была там производительность труда, как бы незначителен ни был спрос на ее продукцию, ни один советский рабочий не стоял перед угрозой своей ненужности и увольнения и не должен был думать о поисках другой работы. Ныне же в перспективе внезапно замаячила безработица — одновременно с вероятностью, что в витогеновой экономической политики часть граждан будет богатеть. Такая тенденция вступает в конфликт с тягой к равенству, с традициями зависти и антипатии к чужим успехам. Короче говоря, реформистские политики подставили себя под обвинения в предательстве идеалов социализма или, самое меньшее, эгалитаризма. Условия жизни рабочих далеко уступают стандартам в развитых странах, а от них ожидают такой же производительности труда, как у их собратьев по профессии на Западе. В 1930-е годы, как и в 1950-е, проводилась массовая идеологическая индоктринация в сочетании с посулами, что жизнь людей станет лучше и легче в ближайшем будущем. Но с годами такая пропаганда утратила свою действенность. В качестве альтернативной стратегии была введена система немедленных вознаграждений, но от нее выиграли лишь немногие. В 1990-е годы придется импортировать потребительские товары с Запада, что само по себе опасно, так как нет достаточных запасов твердой валюты. Займы и кредиты тут помогут лишь отчасти.

Самые острые и неотложные проблемы перед реформаторами ставит экономика, однако фокус кризиса не в ней, а в психологии — в том комплексе пессимизма, грубого

материализма, цинизма и недоверия, который овладел широкими слоями населения. Эти настроения нельзя изменить на что-то более позитивное одним лишь обращением к более либеральным экономическим методам, тут потребуется что-то вроде культурной революции. Реформаторы 1990-х годов призывают к здравому смыслу и личной заинтересованности, в то время как шестьдесят лет назад адепты перемен подключали к делу идеализм юности, имевшийся в то время в избытке. Это, помимо прочего, является одним из фундаментальных различий между 1920-ми и 1990-ми годами. Руководители реформ 1990-х годов — вполне здравомыслящие люди, они осознают экономические и социальные беды и потребности своей страны. Но ни по характеру, ни по воспитанию они не являются лидерами, способными возродить массовый энтузиазм, необходимый для культурной революции, для фундаментальных изменений в настроениях и мотивациях миллионов людей. В лучшем случае они в состоянии создать предпосылки для упразднения некоторых ограничений и препон, препятствующих высвобождению инициативы и успешному развитию, надеясь, что со временем разовьется дух предпринимательства, не проявлявшийся в течение столь длительного времени.

ЗАПАДНЫЕ ОЦЕНКИ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ: УРОКИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

В 1970-е — начале 1980-х годов успехи западных советологов не являются впечатляющими, а освещение советских дел средствами массовой информации находилось на еще более низком уровне. Высказывания западных лидеров были не более полезны, по крайней мере те, которые предназначались для широкой публики. Читатели западных газет и даже более специализированной литературы не имели возможности осознать глубину охватившего Советский Союз тотального кризиса. Широко обсуждались фундаментальные трудности советской экономики, снижение продуктивности производства и сокращение валового продукта. Но, за некоторыми исключениями, серьезность социальных и политических болезней и всеобщей немобильности все же не были поняты.

Одновременно преувеличивались достижения советского руководства, стабильность режима и его популярность. Причины столь неудачного подхода можно кратко суммировать следующим образом:

I. Политические предубеждения комментаторов, причем не столь их просоветские настроения, сколько критическое отношение к политике Запада и склонность анализировать происходящее в СССР без учета его специфики. Такой подход, похоже, особенно распространился в Соединенных Штатах со времен вьетнамской войны, но в какой-то степени он имел место и в других западных странах, особенно в Великобритании и Западной Германии, и в какой-то степени — во Франции и в Италии.

II. Академические исследования должны базироваться на фактах и на цифрах, а не на впечатлениях и интуитивных оценках. Однако доступные в то время фактические и цифровые данные о Советском Союзе исходили в основном из такого источника как заявления советских официальных лиц и публикации в советской прессе. К тому же советология — в высшей степени политизированная сфера интеллектуальной деятельности, и многие советологи ощущали в этой связи некоторое смущение. Им не хотелось повторять утверждения, которые они считали ошибками времен холодной войны. Поэтому старались избегать крайних суждений, дабы не быть заподозренными в политической заданности.

III. Сотрудники западных средств массовой информации, работавшие в Советском Союзе, по хорошо известным причинам испытывали куда большие трудности, нежели их коллеги в большинстве других стран. В эпоху гласности положение несколько изменилось, но до 1986 г. уровень политического освещения событий оставался низким, хотя стали частыми какие-то примечательные исключения. Однако многие западные журналисты были просто недостаточно подготовлены к своей миссии в Советском Союзе — в отношении языка и вообще познаний о России и СССР.

Но даже те, кто чувствовал надвигающийся кризис советской системы, не ожидали появления лидера в новом стиле — такого как Горбачев и не предвидели чего-то подобного гласности. В итоге события 1986 и последующих годов изумили тех, кто в течение 10-20 лет рисовали розовые картинки советской жизни, и даже знавших печальное состояние советских дел — они все-таки не учитывали возможности обращения к реформам. В течение длительного времени ситуация в Советском Союзе интерпретировалась неадекватно, и это породило осторожность оценок части западных наблюдателей в первые два года пребывания Горбачева в должности. Это стало меняться с начала 1987 г., когда политика реформы проявилась более определенно.

Обзор сделанных с тех пор на Западе оценок можно начать с разделяемого некоторыми экспертами как в западных столицах, так и в самом Советском Союзе негативного подхода — что перестройка и гласность есть всего лишь элементы мощной стратегии дезинформации для ослабления бдительности Запада. Но если бы это было главной или исключительной целью советской политики реформ, игра вряд ли бы стоила свеч. Действительно, в пропаганде для зарубежья гласность специально акцентировалась. Однако откровения "Огонька" ничем не уступали сообщениям в иноязычных изданиях "Московских новостей" и других флагманов реформистской политики, а сама идея, что гласность была введена лишь для заграничного потребления, слишком придуманная, чтобы ее можно было принимать всерьез.

Больше приверженцев среди компетентных наблюдателей имело мнение, что гласность и реформы в целом — это явление, обозначаемое в русском языке словом "показуха"; альтернативная интерпретация состояла в том, что ухудшающаяся ситуация в Советском Союзе вынудила его руководство предпринять усилия по проведению определенных реформ, но не потому, что в глубине души они тайли демократические либеральные или социал-демократические симпатии, но из-за реальной опасности краха

советской системы и полной остановки ее экономики. Эти специалисты утверждали, что в случае успеха модернизации экономики Советского Союза через 10-15 лет военная и политическая угроза с этой стороны весьма возрастет, так что не в интересах Запада помогать советскому руководству в его политике реформ.

Эти рассуждения основывались на правильных допущениях, дополнявшихся, однако, другими, уже сомнительными, а именно — само собой разумеется, что советское руководство все еще является более или менее монолитным блоком, в котором имеются лишь незначительные, маловажные тактические различия. Однако очевидно, что хотя нынешние советские руководители разделяют какие-то основополагающие представления (так же, как имели общие взгляды Сталин и Троцкий, или Хрущев и Мао Цзэдун), в конкретных политических действиях различия между ними фундаментальные. Если игнорировать эти различия, то невозможно понять нынешнее перетягивание каната в Кремле. Консерваторы в советском руководстве не возражали против экономических реформ в принципе, но не хотели, чтобы они происходили слишком быстро и зашли слишком далеко, стремясь в то же время ограничить до минимума сопутствующие экономическим преобразованиям политические реформы. Более радикальные реформаторы считали, что пока государство сохраняет в своих руках "командные посты" в экономике и твердо их контролирует, не возникает опасности для социалистического характера режима. При этом они полагали, что без политических реформ ("демократизации") население не примет активного участия в перестройке экономики — другими словами, стагнация будет продолжаться. Консерваторы соглашались, что необходимы какие-то более серьезные инициативы снизу, однако считали, что этого можно добиться посредством административного контроля и идеологической индоктринации сверху.

Наконец, рассуждения, что в итоге перестройки Советский Союз станет сильнее в военном отношении и тем самым опаснее для Запада, основывались на допущении, в которое не

верили даже самые большие оптимисты среди московских наблюдателей событий — а именно, что реформистский политический курс продемонстрирует полный успех в близком будущем и приведет к значительному стабильному и сбалансированному росту в течение каких-нибудь нескольких лет. Но даже если бы перестройка обернулась ошеломляющим успехом, все равно нельзя было бы с уверенностью заключить, что итогом этого будет рост военной опасности для Запада. Некоторые западные наблюдатели в последние годы пришли как раз к противоположному выводу, а именно, что более агрессивная политика за рубежом может быть следствием провала попыток советского руководства улучшить состояние экономики и социальные условия внутри страны, иначе говоря, что внутренние провалы могут вынудить к поискам выхода во внешней политической активности или даже в авантюрах.

Сторонники этой интерпретации преувеличивают возможности Запада влиять на развитие экономических процессов в Советском Союзе, как в направлении их поощрения, так и замедления. Экономические нужды Советского Союза таковы, что западные страны при всем желании не могут задействовать такую программу помощи, чтобы в итоге ее реализации положение изменилось существенно. Кредиты и займы порядка 5-6 млрд. долларов могли бы облегчить торговлю СССР с большинством европейских стран, которая в последние три-четыре года заметно сократилась, но это не возымело бы решающего эффекта на функционирование советской экономики, которое не может улучшиться только под влиянием роста капиталовложений. История советского сельского хозяйства дает превосходный пример, когда гигантские инвестиции в лучшем случае незначительно окупаются.

Более влиятельной оказалась позиция тех западных комментаторов, которые рассматривали советскую политику реформ с изрядной долей оптимизма. В этих кругах верили, что эта политика является важнейшим поворотным пунктом в жизни Советского Союза — второй русской революцией. Что же касается радикальных улучшений, то степень оптимизма

комментаторов различна, но обычно специалисты в области экономики заметно менее оптимистичны, нежели политологи. Однако все верят в искренность попыток Горбачева демократизировать советское общество и, в любом случае, в необратимость большей части уже имеющихся достижений на этом пути, считая возврат к брежневщине невозможным, не говоря уже о возврате к сталинизму.

Комментарии принадлежащих к этой школе исследователей составляют спектр от принятия на веру речей и статей советских официальных лиц до изощренного анализа политических и социальных тенденций в Советском Союзе. Так, высказывается мнение, что хотя политическая жизнь в советском государстве претерпела мало изменений, советское общество за последние двадцать лет испытало подлинную революцию, которая не может не привести, причем скорее раньше чем позже, к существенным политическим переменам. Разумеется, нынешнее советское общество совершенно иное чем при Сталине: абсолютное большинство советского населения теперь обитает в городах, и неизмеримо большая его часть теперь имеет высшее образование. Пятьдесят лет назад общество было пассивным, с готовностью принимало любые приказы сверху; сегодня оно более критично, имеет более высокие ожидания, выработало собственную динамику и собственные цели. Таким обществом уже нельзя командовать в традиционном духе, поскольку оно имеет свои представления об управлении страной и хочет принимать в нем участие.

Подобные взгляды высказываются отнюдь не только комментаторами, симпатизирующими социализму. Прозизошедшие в СССР демографические сдвиги реальны и ценностно независимы. Однако играющие сейчас авангардную роль в Советском Союзе новые поколения отнюдь не обязательно ближе к демократии нежели предшествующие, вопреки утверждениям некоторых политологов на Западе. Но нынешние поколения безусловно смотрят на мир по-иному и нередко возражают как старшим поколениям, так и власть имущим. Иногда это проявляется в возмущительных, близких

к фашистским лозунгам или деяниям, но чаще — в уходе от политики в советское подобие контркультуры.

В целом эта социодемографическая интерпретация верна. Советский Союз больше не страна неграмотных мужиков; на деле он не является таковой уже в течение десятилетий. Вполне разумно заключение, что включающее множество образованных людей общество не может управляться посредством институтов, сформированных в сталинские времена и с тех пор лишь незначительно изменившихся. Речь идет даже не о постоянных чистках и культах личности, типичных для сталинского периода, который сегодня многие советские граждане воспринимают с ужасом и стыдом. Это относится к страху и пассивности, к примитивной пропаганде и интеллектуальному регламентированию — явлениям, ни в коей мере не ушедшим в небытие со смертью диктатора.

Однако допущение, что более высокие жизненные стандарты, урбанизация и распространение образования автоматически приводят к торжеству демократических институтов, не подтверждается историческим опытом. В основе этого допущения лежит корреляция между валовым национальным продуктом каждой страны и достигнутым в ней уровнем свободы. Однако не существует никакого исторического закона на этот счет. Швейцарские крестьяне и исландские рыбаки XIX столетия практиковали демократию, хотя их жизненные стандарты были крайне низки по любым критериям, в то время как рост нацизма в Германии не был предотвращен тем обстоятельством, что в XX веке эта страна была одной из самых передовых в промышленном отношении. Самые состоятельные среди нынешних стран третьего мира отнюдь не обязательно самые демократические, и наоборот. Демократия — это не просто функция экономического развития, это еще состояние умов, основывающееся на политической зрелости, терпимости, самодисциплине и других качествах, выработанных в некоторых странах на протяжении жизни нескольких поколений, в то время как в других странах они так и остались недоразвитыми.

Мы не знаем, почему некоторые страны показывают большую, нежели другие, склонность и способность к демократическому правлению. Нельзя утверждать также, что демократии невозможно обучиться и что лишь немногие народы самой судьбой предназначены жить в условиях свободы. Однако опыт учит, что путь народов к демократии требует длительного времени и что навязывание сверху демократических институтов (и конституций) обычно приносит мало пользы до тех пор, пока среди населения не утвердятся основные демократические настроения и ценности.

Россия во всей своей истории лишь несколько месяцев знала какие-то формы свободы (смешанной с анархией). Даже если сюда добавить годы конституционного правления (1905-1907 гг.), то все равно общая продолжительность этого периода очень коротка. Демократические движения в политической жизни России имеют глубокие корни, но судьба этих движений никогда не была счастливой. Это не означает, что демократизация России обречена на поражение, но все говорит за то, что ее обретение будет очень длительным процессом. Среди препятствий на его пути — могущественная бюрократия и антидемократические групповые интересы. Чаяния целого ряда групп ничего общего с демократизацией не имеют. Более того, обострение напряженности в отношениях между нациями в сочетании с политическим и социальным брожением никак не способствует расширению свобод. Выше уже упоминалось об антидемократической концепции, что русским трудно жить в условиях слишком большой свободы и что без сильного правителя страна может попросту расколоться на части. Среди демократических реформаторов 1990-х годов немало таких, чьи цели ни в коей мере не включают плюралистическую парламентскую демократию западного типа, они нацелены на гораздо более умеренное сочетание однопартийного государства с элементарными гражданскими свободами, гарантированными законом.

Однако при отсутствии демократического в подлинном смысле этого слова выбора такие гарантии невозможно сделать надежными — они всегда будут зависеть лишь от добрых

намерений и просвещенного духа самовоспроизводящихся правящих групп. Такая политическая система будет чем-то средним между диктатурой и демократией. Хотя проявляющиеся в обществе тенденции могут либо поощрять, либо замедлять движение к демократии, они не определяют характер политической системы. Урбанизация, решая какие-то проблемы, порождает множество других. Не оправдались утверждения тех западных специалистов по общественным наукам, которые постулировали непрерывный и более или менее гарантированный прогресс к демократии.

Имелись на Западе и наблюдатели, выражавшие оптимизм относительно исхода начатых Горбачевым реформ. Согласно их мнению, эти реформы, несмотря на временные сложности, не могут не преуспеть — просто из-за отсутствия альтернативы. Кроме того, время консерваторов и неосталинистов прошло, они уже проиграли. У них нет никакой конкретной программы борьбы с трудностями, испытываемыми страной, которые в основном проистекают из их же политики былых лет или, по крайней мере, из-за их неспособности осознать серьезность проблем и вовремя начать их решать. История учит, однако, что всегда существуют политические альтернативы. Тот факт, что консерваторы не добились успеха в прошлом, может временно обернуться для них политической неудачей. Но их основные идеи все же могут соответствовать глубинным настроениям в стране, которая противится экспериментам и переменам. В таком случае политика реформ будет всего лишь интерлюдией, особенно если через несколько лет выяснится, что успехи реформаторов в решении насущных проблем страны не больше, чем у их предшественников.

Имеется еще один подход, который можно назвать "реалистическим". Его сторонники считают, что успех или неудача политики реформ не предопределены. Они учитывают прошлый русский опыт, но понимают, что непрерывность не есть универсальная черта исторического процесса и что хотя прошлое дает ценные ключи к пониманию будущего, все же не обязательно, что события всегда будут развиваться по

образу и подобию уже имевших место когда-то. Реалистический подход учитывает и субъективные и объективные факторы: компетентность, дальновидность и идеализм лидеров и масс или нехватку у них этих качеств, а также демографические, социальные и экономические тенденции, равно как и идеологию в самом общем смысле этого слова — культурные традиции, национальное сознание, религию и т.п. Такой подход предполагает комплексное рассмотрение факторов, которые будут влиять на развитие событий в последующие годы. Но и в этом случае невозможно предсказать роли того или иного лидера, которая может оказаться решающей.

В современной истории немало примеров прогнозов, оказавшихся справедливыми несмотря на то, что в их основе лежали полностью неверные допущения. Поскольку течение событий не предопределено, не может быть гарантий верности предсказаний. Тем не менее можно утверждать, что есть способы оценки будущего развития событий более надежные, чем прочие, и единственное, чем следует руководствоваться, это опыт прошлого и рациональный анализ.

ЗАМЕЧАНИЕ О РУССКИХ ПРЕДСКАЗАНИЯХ

Историю политических прогнозов, которые высказывались с 1917 г. русскими эмигрантами или в самом СССР, еще предстоит написать и проанализировать. В свое время многие эмигранты ожидали немедленного падения советской власти. Коммунисты в Советском Союзе, особенно после окончания гражданской войны и консолидации их власти, ожидали, что революция победит во всем мире в недалеком будущем, что строительство социализма в одной отдельно взятой стране будет лишь временным вынужденным явлением. Когда Советский Союз укрепился, "возвращенцы" из эмигрантской среды и "национал-большевики" стали пророчить скорую кончину ленинизма, усиление традиционных национальных элементов и постепенную нормализацию (как они ее понимали) внутренней ситуации в стране. Ренессанс этого направления мысли пришелся на 1943-1945 гг.

Из написанного позднее особый интерес представляет эссе Андрея Амальрика "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" (1969 г.). Автор правильно подметил, что режим уже потерял былой динамизм, подчеркнув также усиление националистических идей в сочетании с усиливающейся стагнацией. Он утверждал, что ради собственного выживания система должна пойти на перемены, но не способна к этому. В этом параличе Амальрик увидел опасность внезапного взрыва негодования непросвещенных масс, если они почувствуют себя в угрожаемом положении. Амальрик возлагал некоторые надежды на возникновение среднего класса. Что касается внешней политики, то он не сомневался в неизбежности длительного и разрушительного конфликта между СССР и Китаем.

Предсказания Амальрика резко контрастировали с прогнозами А.Д.Сахарова, который считал реформы возможными и уповал на хотя бы временную конвергенцию между Западом и Востоком — эта идея была популярной в начале 1960-х годов в демократических странах. Александр Солженицын и близкие ему по духу эмигранты смотрели на все гораздо пессимистичней, а Александр Зиновьев вообще уверовал в эффективность и вечность сталинских порядков.

ПАРТИЯ РЕФОРМ

К 1985 г. очень многие понимали, что Советский Союз движется в пагубном направлении, что экономические и социальные условия ухудшаются. Это убеждение разделяли русские патриоты правого крыла и интеллигенты либерально-демократического лагеря. В художественной литературе мощнейшие инвективы шли именно справа: трудно даже вообразить более безжалостные описания моральной деградации общества, чем в "Печальном детективе" Виктора Астафьева и в "Пожаре" Валентина Распутина — голый эгоизм, распад нравственности, пьянство и преступность, примитивный материализм. Эти безжалостные описания повседневного существования в советских деревнях и небольших городах едва ли оставляли даже лучик надежды. Другие

консервативные источники давали понять, что жизнь в неназываемых поименно больших городах была даже хуже.

Критика внутренних дел со стороны демократических сил разумелась сама собой, но даже патриотические элементы, обычно не склонные признавать какие-либо дефекты системы, вряд ли видели какой-то проблеск надежды. Ситуация очевидным образом уже сделалась критической. Руководящие слои и их семьи были ограждены от тягот, дефицитов и унижений обыденной жизни. Им не приходилось выстаивать в многочасовых очередях, чтобы сделать необходимые покупки; они жили как бы в собственных гетто, пользуясь доступными лишь им магазинами, больницами, персональным транспортом и школами для своих детей. Они наблюдали массы лишь через стекла своих лимузинов с личными шоферами. В одном из бестселлеров второй половины 1980-х годов, "Новом назначении" Александра Бека, есть очень характерный эпизод, когда два министра, которым в положенное время не подали машины, оказались в труднейшей ситуации: не имея опыта пользования общественным транспортом, они не знали, как купить билеты в метро.

Есть все основания считать, что органы государственной безопасности сообщали о настроениях населения, и не случайно, по всей вероятности, Андропов был среди наиболее прореформистски настроенных руководителей тех лет. Но и он был в плену сталинских традиций. Когда настал его черед, он, пожилой человек слабого здоровья, не мог, судя по всему, изобрести ничего кроме введения сверху строгих дисциплинарных мер. Есть свидетельства, что некоторые действительно дальновзоркие и честные руководители как в центре, так и на уровне областей ощущали приближение кризиса либо осознавали его реальность на основе собственных наблюдений. Кое-кто даже делал в частном порядке предупреждения. Но эти люди не были объединены и не имели ясного представления, как именно следует осуществить перемены. Кроме того, свойственная режиму секретность и многочисленные ведомственные барьеры мешали даже руководителям самых высоких рангов представить полную и

реалистическую глубину масштабов всеобщего упадка. Занимавшиеся сельским хозяйством, конечно, имели данные о его низкой продуктивности, о всеобщем отсутствии инициативы, о потерях, которых можно было бы избежать, и дефицитах, растущих из года в год несмотря на увеличение субсидий. Однако они могли питать иллюзии относительно состояния дел в других секторах экономики и в других регионах страны, где, возможно, дела обстояли гораздо лучше, и что их собственный опыт не универсален...

В материальном отношении советское население в 1985 г. жило лучше, чем двадцатью годами ранее, и уровень политического гнета был ниже чем в 1955 г. Тем не менее за эти десятилетия дух относительного оптимизма сменился пессимизмом. Русские не стремятся к излишествах, и в 1950-х - 1960-х годах, когда происходил рост сельскохозяйственного и промышленного производства, пусть медленный и прерывистый, зарубежные наблюдатели пришли к заключению, что, поскольку уровень жизни поднимается, население в массе не испытывает острого недовольства. Однако в конце 1970-х экономический рост замедлился, а затем фактически прекратился. К тому же все это время увеличивался разрыв между официальной пропагандой и действительным положением дел, что ощущалось даже острее, чем экономические неурядицы. Перед второй мировой войной было относительно нетрудно списать все недостатки режима на необходимость ускоренной индустриализации. В последующие годы для объяснения советской отсталости и бедности использовались ссылки на усилия в борьбе с врагом и тяготы войны.

Но с течением времени воспоминания о войне отходили на второй план. Поскольку другие, тоже пострадавшие от войны страны оправались от ее последствий неожиданно быстро, доверие советского народа к своим верхам стало убывать. Правда, имелись впечатляющие достижения в космических путешествиях и в военном строительстве, но в прочих отношениях состояние дел в Советском Союзе все более напоминало условия в странах третьего мира, в то время, когда другие страны рвались вперед. Старые объяснения

потеряли убедительность, а на смену им не пришло ничего, разве что ссылки на необходимость создания мощных вооруженных сил для разрушения "агрессивных замыслов империалистов".

Официальная пропаганда продолжала рисовать Советский Союз как одну из богатейших в мире стран, как общество, где более чем где-либо торжествуют справедливость и свобода. Но каждый, кто не закрывал глаза на действительность, понимал, что советское общество переживает физический и моральный упадок и что страна нуждается в новом энергичном руководстве для возобновления поступательного движения. В других странах такие инициативы могли бы прийти снизу, но не в Советском Союзе. Коммуникационные каналы были перекрыты, поскольку строжайше запрещалось открыто говорить или писать о действительном положении дел. В русской истории от Петра I до освобождения крепостных и предвоенной аграрной политики Столыпина реформы всегда приходили сверху и обычно вызвали заметное сопротивление. Как однажды заметил Александр Пушкин, "у нас правительство — это единственный европеец"...

Инициатива реформ могла прийти только из партии, но как могла она обрести поддержку? Для этого требовалось ощущение настоятельной необходимости реформ, убежденность в неизбежности срочных мер, а общественное мнение в Советском Союзе все еще пребывало в состоянии младенчества. Есть ирония в том, что большевистская партия пришла к власти под лозунгом мобилизации масс, однако в течение всего последующего времени массы более или менее систематически демобилизовывались. И в рабочей среде и в деревне неудовлетворенность проявлялась в пьянстве, хулиганстве и т.п. В секторе услуг были возможности для выхода на черный рынок, а интеллигенция склонялась к самореализации в личной, а не в общественной жизни. Тем не менее на определенном уровне ухудшения условий жизни во всех слоях общества появились люди, сочувствовавшие реформистским инициативам, даже если они сами по тем или иным причинам не могли их возглавить или активно поддержать.

Наиболее выделялась в этом плане техническая интеллигенция — она была наиболее открыта новым идеям и наиболее способна выразить их; в этой среде многие понимали стоящие перед страной проблемы лучше, чем рабочие и крестьяне. Именно интеллигенция стала главным оплотом реформистского движения. На этом основании некоторые наблюдатели недооценивали потенциальную важность этого явления, исходя из того, что политическое движение, привлекающее лишь немногих интеллектуалов в столице и, возможно, в нескольких крупных городах, вряд ли может иметь далекоидущие последствия. Но это было недооценкой количественной распространенности интеллигенции в Советском Союзе, ее влияния.

Интеллигенция отнюдь не сводится к авангарду писателей, художников и мыслителей — она включает многие миллионы людей. Даже если не все они являются ревностными борцами за гласность и перестройку, не следует преуменьшать важность интеллигенции как коллективной носительницы идей, как коммуникационной группы, идеи которой посредством радио, телевидения и печатного слова достигают самых отдаленных окраин. Интеллигенция обеспечила реформаторов идеологией, она же помогла Горбачеву убедить народ в необходимости серьезных усилий для разрешения стоящих перед страной насущных проблем. При советской системе в массах глубоко укоренилось сознание непроницаемости барьера между "ими" и "нами" — политика всегда была чем-то навязываемым сверху. В основе новых реформ лежала идея ограничения сферы деятельности государственной и партийной бюрократии и развязывания инициативы, предприимчивости и активной сопричастности проводимым изменениям снизу. В этом контексте ключевым элементом стала гласность: без осознания серьезности существующего положения шансы на активное соучастие масс будут невелики.

По этому вопросу советское руководство разделилось. Часть его, в том числе Е. Лигачев, считали гласность желательной лишь в малых дозах, полагая, что если она зайдет

слишком далеко, это принесет больше вреда, чем пользы, восторжествует чувство отчаяния и возрастет апатия. Поначалу и Горбачев был сторонником лишь очень ограниченной гласности. Он никогда не стремился к гласности ради нее самой. Некоторые его сторонники-интеллигенты настаивали на большей откровенности, чем входило в его намерения, и это породило серьезную борьбу внутри руководства. Несомненно, в 1988 г. Горбачев и его единомышленники в партийном руководстве отстаивали гласность гораздо решительнее, чем двумя годами ранее, или, по крайней мере, они дозрели до готовности предоставить большую свободу действий интеллектуалам, считающим, что без демократизации невозможен экономический прогресс. Партийное же руководство было заинтересовано прежде всего в экономических улучшениях, что неоднократно подчеркивалось. Его главной заботой было увеличение производительности труда и улучшение качества продукции. Либерализацию в области культуры руководство приветствовало, покуда это не заходило слишком далеко, опасаясь общественных раздоров на этой почве. Новое мышление было желательным и во внешней политике, так как оно повышало международный статус СССР и помогало исправить вред, нанесенный отсутствием гибкости и устаревшими представлениями, определявшими советскую внешнюю политику не только в сталинскую эру, но и во времена застоя.

С самого начала имелись отчетливые различия во мнениях относительно того, насколько быстро должны развиваться и как далеко пойти реформы в различных областях. На этой почве столкновения в лагере реформаторов были неизбежны. Одним из ключевых моментов разногласий было отношение к тем, кто до 1985 г. принадлежал к антиреформистскому лагерю, но затем признал свои ошибки — на деле или хотя бы на словах. Следует ли простить им их грехи, или же относиться с недоверием и придерживать на расстоянии? Это был серьезный вопрос. Но было немало других, даже большей важности, — относящихся не столько к прошлому, сколько к будущему, прежде всего политическому будущему режима.

В течение 1989 г. поляризация общественного мнения обозначилась еще заметнее. Антиреформистские силы спланировали ряды, и активность их стала гораздо заметнее, чем прежде. В стане реформистов наступил раскол. Либералы из истеблишмента, включая Горбачева, без особого успеха выступали за ускорение перестройки, в то же время притормаживая политическую либерализацию. Радикалы подчеркивали, что без быстрых и далеко идущих реформ прогресс невозможен, имея в виду ликвидацию политической монополии компартии и расширение экономических свобод в промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПЕРЕМЕНАМ

Переменам противятся социальные группы, эгоистические интересы которых требуют сохранения существующего положения; стремятся не допустить перемен и индивидуумы, опасющиеся их или не приемлющие их идеологически. Но основным ресурсом сопротивления является инерция, присущая русскому обществу на протяжении столетий, которую долгое время внедряли систематически.

Страх свободы — это синдром, отмеченный психологами в разные столетия и в разных частях земного шара; источники этого страха хорошо изучены. Многие русские исследователи отмечали, что русское политическое сознание на протяжении всей своей истории выказывало гораздо меньше интереса и энтузиазма по поводу свободы, чем по поводу равенства и братства. Впрочем, находились такие, которые утверждали, что без свободы для братства остается не так уж много места. Если же имеется сочетание сильного вождя с номенклатурой, то равенство сводится к требованию, что "никто не должен жить лучше меня". Стремление к уверенности в завтрашнем дне глубоко укоренено в советском обществе. Каковы бы ни были причины этого явления, оно сопряжено с неприятным экономическим свободой со всеми сопутствующими ей факторами риска (предпринимательская неудача, банкротство, безработица). Отсюда — большой энтузиазм в отношении японской модели, которой, как считается, присуща от-

ветственность предпринимателя за его персонал — и в хорошие времена, и в плохие.

Реформаторы в значительной мере обратили свою критику против бюрократии. Нет сомнения, что советское общество — самое зарегулированное в мире. На протяжении десятилетий все государственные и партийные институты выросли до непомерных размеров. До прихода коммунистов к власти Ленин утверждал, что бюрократия будет побеждена пролетарской сознательностью. Это было огромной ошибкой, что он осознал незадолго до смерти. К 1924 г. в Высшем Совете народного хозяйства на каждого работающего служащего приходился проверяющий. В царские времена страной управляли две дюжины министров; в Советском Союзе в 1985 г. было примерно восемь сотен министерств и государственных комитетов министерского уровня. Численность чиновников оценивалась в 16 млн., но на деле она, возможно, даже больше.

Циник может утверждать, что столь непомерный избыток кадров имеет свои преимущества. Поскольку многие из перекладывавших бумаги в любом случае не способны ни к какому производительному труду, это было средством предотвращения безработицы. Но само существование гигантской армии бюрократов имело несколько важных последствий. Для оправдания своего существования они изобретали правила и нормы, затруднявшие все проявления советской жизни и сделавшие невозможными какие бы то ни были перемены и любую независимую инициативу. Таким образом, главное зло состояло даже не в самом числе бесполезных служащих, а в их негативном воздействии на всех уровнях, от руководителей Госплана до самых низов местной администрации. В одном советском министерстве был служащий, единственная функция которого состояла в хранении под замком географических карт страны, которые никто не мог взять без его разрешения. По всей вероятности, существовали многие тысячи чиновников с аналогичными обязанностями. Основной ущерб для национальной экономики и общества создавался даже не выплатой жалования этим

хранителям государственных секретов, но потерей многих часов человеческого труда и ошибочными решениями, принимавшимися из-за того, что необходимая информация без всякого на то основания скрывалась от советской публики. В годы гласности стала популярной цитата из молодого Маркса, никем не приводившаяся в прежние времена — о том, что дух бюрократии есть тайна, соблюдение которой охраняется ее иерархическим характером.³

Ошибочно счесть, что все бюрократы противятся реформам — это было не так в Царской России, и это не соответствует истине в Советском Союзе. Исключения можно найти прежде всего в высших эшелонах власти, где меньше оснований опасаться потери работы или привилегий. Существуют исключения и среди тех администраторов, обязанности которых в широком смысле слова состоят в том, чтобы заставить систему работать — в отличие от тех, чьи функции сводятся к контролю, соблюдению запретов и ограничений, и от чиновников без четких обязанностей. Чиновники, обязанные обеспечивать поставку товаров и услуг, чувствуют себя связанными системой, затрудняющей любую сделку и порождающей бесполезные осложнения. Те же трудности стоят и перед ведущими технократами, директорами промышленных предприятий, председателями колхозов. Многие ученые и инженеры настроены в пользу устранения системы, блокирующей свободное распространение информации как из-за рубежа, так и внутри страны; системы, которая вознаграждает не за реальные достижения, а скорее за пассивность и осторожность. С другой стороны, бюрократы от науки не откажутся так легко от системы, гарантирующей их контроль. Кто-то из них, возможно, станет на сторону реформистов, но не большинство этого слоя, поскольку далеко идущие перемены явным образом несовместимы с усвоенным ими духом консерватизма. Сопrotивление переменам имеет как инстинктивный, так и идеологический характер. История научила консерваторов, что перемены обычно ведут к худшему.

³ В. Рубанов. "Коммунист", № 13, 1988, стр. 27. Рубанов представлен как начальник отдела научно-исследовательского института, относящегося к системе КГБ.

Консервативный лагерь включает разнородные элементы — на одном его полюсе неосталинисты, на другом — русские патриоты антимарксистского толка. Неосталинисты не видят прелести мистики в духе Достоевского и романтических мечтаний ревнителей России о возвращении в деревню. В то же время патриоты считают, что инспирированная марксизмом-ленинизмом революция 1917 г. была безусловным бедствием, источником несказанных разрушений русских ценностей и русской культуры. Что касается Сталина, они согласны признать некоторые обстоятельства, смягчающие его вину — как то, что он разрушил первоначальную большевистскую партию с ее в высшей степени интернационалистическим этосом и превратил Россию в мощную военную державу.

Таким образом консервативный лагерь отличается широким диапазоном воззрений — от просвещенного патриотизма до параноиков, которые повсюду видят "пятую колонну", заговоры с целью подрыва и разрушения именно русских ценностей с помощью таких средств, как западная (преимущественно американская) массовая культура, рок-энд-ролл, наркотики, порнография и прочие стратагемы. Эта "пятая колонна" контролируется масонами, евреями и другими "сатанинскими силами" (кодовое название всех, чьи мнения расходятся со взглядами этих экстремистов). В данном случае взгляды наиболее крайних элементов столь же важны, как и воззрения умеренных, вследствие многочисленности воинствующих экстремистов и их попутчиков и той поддержки, которой они располагают в высших партийных кругах, в армии и в некоторых государственных учреждениях.

Хотя консерваторы в целом не возражают против предлагаемого реформистами анализа социальных и экономических болезней страны, к демократической программе реформ они симпатий не проявляют. Они выступают против самоуправления в промышленности, а неосталинисты являются противниками частных земельных наделов и семейных бригад в сельском хозяйстве. Прежде всего они против "рыночного социализма", самое понятие которого, с их точки зрения, есть противоречие в терминах. Они твердо

уверены, что возвращение к чему-то вроде НЭПа принесет выгоду не обществу в целом, но лишь небольшой его части. Их экономическая программа, которую их критики называют "национальным утопизмом", покоится на неявно принимаемом допущении, что исправить нынешнее неблагополучие никакими способами не удастся, и даже если в течение ряда лет обеспечить темпы роста в 3-5%, это все равно не принесет радикального улучшения жизненных условий. Отталкиваясь от этого, они заключают: "Мы не способны конкурировать с японцами, западноевропейцами или американцами. Но, в отличие от них, мы не продали души мамоне, у нас другие приоритеты и духовные ценности, отсутствующие у наших противников".

У людей из этого лагеря глубоко укоренено ощущение, что иностранцы в большинстве или даже поголовно ненавидят Россию. Они верят, что русофобия отнюдь не обязательно связана с антикоммунизмом. Тот факт, что последняя существовала до 1917 г. и сохраняет силу в наше время, несмотря на то, что коммунизм уже не является проблемой первостепенной важности, привел их к выводу, что Россия не имеет друзей, и в критической ситуации доверять следует только русским. Исходя из этого, логично даже не пытаться конкурировать с иностранцами, но добиваться улучшения ситуации путем укрепления порядка и дисциплины и усиления политической и нравственной индоктринации масс.

Слабости этой программы столь же очевидны, как и слабости фашизма. Недовольство большими городами и тоска по возвращению к прежней деревенской жизни противоречат великодержавным амбициям, требующим создания современной промышленности, способной снабдить необходимым мощную армию. Патриотизм в больших дозах не понудит рабочих и крестьян к сколько-нибудь длительной усердной работе, не говоря уже о том, чтобы заставить их приобретать всякий хлам только потому, что он произведен в собственной стране. Кроме того, русский национальный экстремизм должен считаться с фактором, от которого были свободны фашистские режимы в Германии и Италии: Гитлер и

Муссолини могли апеллировать к патриотическим чувствам 98% своих соотечественников, а в Советском Союзе русские составляют лишь половину населения, а для других народов обращение к памяти героев России и к победам былых веков не привлекательно. Такие лозунги способны лишь отпугнуть их и даже вызвать враждебность.

Убеждения российских правых, в частности их антикапиталистическая ностальгия, глубоко укоренены. Они порождены раздражением и недовольством нынешними реалиями, но не подкреплены тем, что марксисты называют "научным анализом". Среди этих людей нет ни одного крупного экономиста, а в основе их программы лежат писания дилетантов.

Правое крыло попыталось захватить инициативу борьбы против разных социальных болезней. Консерваторы оказались в авангарде кампаний против алкоголизма и за сохранение старых памятников, но все это они делали с таким возбуждением, назойливостью и обвинениями по чужим адресам, как если бы они сознательно хотели скомпрометировать собственное дело и усугубить разлад в обществе. Хотя консерваторы пользуются политической и моральной поддержкой некоторых широко читаемых прозаиков и поэтов, в своей массе они состоят из мелкой буржуазии в западном понимании этого термина с примесью людей из армии и милиции.

Советские обществоведы пытались определить состав противников реформ. Один из них — Игорь Бестужев-Лада — указал на большую распространенность просталинских чувств у поколения ветеранов второй мировой войны. Они верили в своего вождя, они, как говорят, шли в бой с кличем "За Родину, за Сталина!" (что, впрочем, сейчас оспаривается многими участниками тех событий). Неужели их жертвы и гибель многих друзей и родных были напрасными? В конце концов, 1930-е годы были не только периодом массовых казней, но и эпохой громадного прогресса в промышленности и строительстве. Разве Сталин лгал, говоря в 1935 г., что "жизнь

стала лучше"? На молодое поколение 1980-х годов эти ветераны смотрят со страхом и тревогой — отсутствие у нынешних молодых идеализма сильно контрастирует с полыхающей оптимизмом и готовностью к самопожертвованию их собственной юности. Многие представители старших поколений настроены против перемен — либо из внутренней убежденности, либо в силу эффективного промывания мозгов. Хотя у многих воспоминания о сталинской эре далеки от идиллических, поскольку они сами или их близкие были объектами репрессий, все-таки в старших поколениях больше чем в любой другой группе горечи по поводу общего направления советской политики при Горбачеве. Впрочем, поскольку возраст младших представителей этого поколения превышает шесть десятков, его исчезновение — только вопрос времени.

Но есть группа ветеранов, менее многочисленная, но более молодая и активная, также составляющая потенциальный кадровый резервуар противников реформ — это солдаты, воевавшие в Афганистане. Они невраги политических перемен как таковых, однако, подобно немецким и итальянским ветеранам первой мировой войны, они имеют претензии к обществу и правительству, которые не воздали должного уважения их усилиям и жертвам. Поэтому они становятся легкой добычей всяческих экстремистских групп.

Следует отметить еще одно интересное обстоятельство. Не все защитники сталинских деяний и обычаев всей душой верят в сталинизм. Похоже, среди них немало циников, в душе не признающих коммунистических доктрин, но считающих, что из-за политической незрелости народа, его неумения подчиняться дисциплине и склонности к анархии для установления в стране порядка не обойтись без железного кулака. Это напоминает некоторых мыслителей позапрошлого и прошлого столетий, переставших верить в Бога, но полагающих, что религия пока "необходима для простого народа".

Среди неприсоединившихся к реформистам преобладают

отнюдь не активные противники реформ. Это люди, которым свойственны безразличие и апатия; до них не доходят обещания и угрозы официальной пропаганды. Они могли бы даже симпатизировать целям реформаторов, но в прошлом слишком часто слышали подобные лозунги и уже не верят ни в какие улучшения. Другие хотели бы принять участие в реформах, но знают из собственного опыта либо из рассказов родителей, что выказывать чрезмерный энтузиазм опасно. В 1920-е годы крестьян призывали богатеть лишь для того, чтобы через несколько лет арестовать и выслать тех, кто последовал этим рекомендациям. Прекрасно поощрять людей к свободным высказываниям, но не исключено, что это только уловка властей, с помощью которой они выявляют недовольных. Даже если нынешние власти абсолютно искренни, нет гарантии, что в близком будущем власть не перейдет в другие руки и строгий контроль за всем и вся не будет восстановлен. Тогда на неприятности будут обречены как раз те, кто в период гласности вел себя независимо, смело и слишком открыто выражал свои взгляды. У противников реформ есть одно важное преимущество перед их сторонниками: в то время как перемены требуют действий, сопротивление им может осуществляться без специальных усилий — простой пассивности достаточно для крушения новых планов. Уже в 1987 г. выразители мнений консервативных кругов говорили о "настоящей гражданской войне" между радикальными реформаторами и их оппонентами и сравнивали ее со сталинградской битвой, но это было преувеличением. Открытая враждебность реформам — явление довольно редкое и, с точки зрения Горбачева, не слишком опасное. Подлинная угроза — это саботаж посредством бездействия и той всеобщей летаргии, которая в течение долгого времени была самой характерной чертой советского общества. Все сейчас сводится к вопросу, способен ли советский режим к фундаментальным переменам иным путем, чем за очень длительное время или под действием сильнеешего травматического шока?

ПРЕДЕЛЫ ГЛАСНОСТИ

Культ секретности родился в России задолго до революции 1917 г. Начиная с XVI столетия, посещавшие страну иностранцы были единодушны в том, что российские власти делали все от них зависящее, чтобы скрывать информацию как от приезжих, так и от своего собственного населения. С давних пор русское правительство основывало свою деятельность на негласности, на том, что на языке западных разведок обозначается как принцип выдачи информации лишь тем, кому она положена. Перед 1914 г. Россия была единственной европейской страной с обязательными паспортами и визами, а цензура там была куда строже, чем в большинстве стран — по крайней мере до 1905 г. Но в сравнении с контролем и ограничениями сталинской эры царская Россия выглядит почти что как общество вседозволенности, и даже при ослаблении всеобщего контроля в послесталинские времена советская цензура оставалась гораздо более строгой чем до 1917 г. Телефонный справочник был засекреченным документом, а подробные карты советских городов либо не существовали, либо преднамеренно искажались. По словам главного картографа Советского Союза, на этих картах почти все было искажено; дороги и реки были сдвинуты, городские кварталы смещены, улицы и здания указаны неверно — например, на туристской карте Москвы лишь общие контуры столицы были более или менее верными. Базисная статистика, которая во всех развитых странах публикуется регулярно, в Советском Союзе или была засекречена, или фальсифицировалась. Это относится не только к сведениям, могущим иметь военное значение, но ко всей информации, включая, скажем, производство основных потребительских товаров или показатель самоубийств.

Важнейшим достижением гласности была, вероятно, монополизация информации. При видимой скромности этого изменения оно произвело подлинную революцию в советской жизни. Дальше всего гласность распространилась на самом верху, т.е. в столице государства и в центральных средствах массовой информации. По словам одного советско-

го свидетеля, гласность гораздо слабее на республиканском уровне, скажем, в Киеве или в Ташкенте, а за пределами больших городов она едва ощутима...

Но зачем вообще понадобилась гласность? Частичное раскрытие советской системы произошло не ради ублажения зарубежных критиков, а потому, что всеохватывающая секретность причиняла больше вреда самому Советскому Союзу. Она затрудняла экономические и научно-технические нововведения, в высшей степени осложняла экономическое и социальное планирование. Откровения в духе гласности, конечно, не были полным разрывом с прошлым, поскольку условия жизни в стране с почти 300 млн. населения невозможно было хранить в полном секрете, даже если половина ее территории оставалась закрытой для иностранцев. Задолго до Горбачева многие внимательные зарубежные посетители видели серьезность алкогольной проблемы, хотя ее масштабы не были известны. Так же обстояло дело с другими социальными бедствиями. Еще пример того же рода — публикация романов и пьес, изображавших широкое распространение коррупции. Экологические дискуссии также предшествовали гласности, например, споры о повороте сибирских рек на юг. Но были темы, запретность которых понимали все. Однако даже если о каких-то общественных бедах нельзя было упоминать в печати, по радио или по телевидению, миллионы людей все-таки знали, что общее состояние дел оставляет желать лучшего и что не терпящие отлагательства проблемы нередко попадали под сукно. Происходили и открытые обсуждения, по крайней мере, в узком кругу. Однако общее впечатление все-таки сводилось к тому, что хотя огорчительные недостатки существуют, они скорее исключение, чем правило, и власть имущие энергично стремятся их устранить.

Гласность изменила ситуацию: многие внезапно осознали, что мнения, которые раньше доверялись лишь друзьям, разделяют очень и очень многие. Это относилось к образованию; экологическим проблемам; сельскому хозяйству и деревенской жизни в целом; к преступности, наркотикам,

абортам и проституции; к миллионам, живущим за чертой бедности; к состоянию советской литературы, искусства, средств массовой информации; даже к состоянию науки. Стало общепризнанным плохое функционирование большинства общественных служб. Возможно, еще важнее было признание, что страна в целом уже давно впала в кислое настроение, многие стали жесткими, циничными и эгоистичными, чрезмерно заинтересованы в обретении и сохранении материальных благ. Идеализм былых времен испарился, и крик отчаяния, который в форме вопроса "Что с нами стало?", вырвавшегося у известного русского прозаика Василия Шукрина в начале 1970-х годов, внезапно оказался у всех на устах: почему люди в массе столь угрюмы, столь полны недовольства?

Обо всем этом и о многом другом начались широкие дебаты — сперва в центральной прессе, а затем, хоть и в более осторожной манере — и за пределами Москвы. Однако даже при гласности многие пласты общественной жизни были лишь частично открыты для общественного обсуждения, а некоторые остались в зоне молчания. Серая зона включала политические дискуссии на самом вершине и принимаемые там решения, социальные различия между обычными людьми и номенклатурой, а также недавнюю историю Советского Союза.

В истории каждого народа есть события и эпохи, за которые он переживает стыд, но в других странах предпринимают упорные попытки открыто проанализировать и понять совершенные в прошлом ошибки. В Советском Союзе даже после смерти Сталина царил страх перед вскрытием исторической правды и разоблачением сталинского наследия. Лишь однажды при Хрущеве была сделана половинчатая попытка приподнять завесу молчания. После падения Хрущева реабилитирован был Сталин, а не его жертвы. С тех пор уже выросли новые поколения, и бремя прошлого могло бы стать намного легче, но этого не случилось. Ведь число жертв сталинского режима исчислялось в миллионах, и у их детей не было причин все это простить и забыть. Но подлинной проблемой был не сам диктатор, уже мертвый, а сталинизм, который в своей

институционализированной форме по-прежнему пронизывал поры советской политической и общественной жизни.

Конечно, в каких-то группах населения сохранилось неподдельное моральное отвращение к господствовавшей в течение почти семи десятилетий официальной лжи. По словам одного из ведущих советских историков Юрия Афанасьева, ни в какой другой стране история не была так фальсифицирована. Но противостоящие разрыву с прошлым силы сохраняли свои позиции, и совсем не потому, что историки в своем большинстве сопротивлялись серьезной ревизии. Радикальный пересмотр советской истории показал бы, что окончательный ее баланс является негативным — по крайней мере, начиная со смерти Ленина. Такой вывод, разумеется, был совершенно неприемлем для партийного руководства. Это поставило бы под вопрос фундаментальные основы коммунизма, учение Маркса и Ленина. Отсюда предостережения ряда членов Политбюро, включая Горбачева, не заходить в пересмотре прошлого слишком далеко.

В итоге возникла искусно сбалансированная картина советского прошлого, в которой сочетались великие достижения социализма, с одной стороны, и раскрытие преступлений и "отклонений от нормы", — с другой. Охранители идеологической чистоты предупреждали, что "односторонний подход" привел бы к непредсказуемым последствиям, так как подрывал веру масс в партию, в ее руководство, в коммунизм.

Хотя раздражение против номенклатурных привилегий распространено очень широко, поначалу оно не было столь острым, как можно было ожидать. Значительные слои населения пришли к убеждению, что существенные различия в условиях жизни останутся даже при коммунизме и что в высших классах дети в какой-то мере будут наследовать некоторые привилегии родителей или, как минимум, получать определенные преимущества в начале жизненного пути. Но когда снабжение ухудшилось и очереди удлинились, жалобы обострились. Хотя в 1986-1987 гг. фронтальная атака на

привилегии была отбита, все же пришлось принять меры для какой-то замаскировки дефектов системы, в частности, кое-где были закрыты спецраспределители, обслуживавшие номенклатуру. Это, без сомнения, помогло разрядить потенциально опасную ситуацию.

Куда труднее оказалось справиться с начавшейся при гласности активизацией национального сознания. Конечно, межнациональная напряженность существовала в той же степени и до гласности, подавлялись только ее внешние проявления. Кроме того, при Брежневе применялся модифицированный вариант Австро-Венгерской и Османской имперской систем. Произошла кооптация ведущих представителей нерусских национальностей в руководство как на самом верху, так и на региональном уровне, чтобы обеспечить их участие в управлении системой. Среди этих руководителей нередко встречались сомнительные личности, открыто практиковавшие nepoтизм и коррупцию в крупном масштабе, особенно на Кавказе и в Средней Азии. Однако в возможных для нее пределах система работала. Органы внутренних дел и различные контролирующие учреждения в Москве имели указание игнорировать преступления местных мафиози, а те поддерживали в своих республиках порядок. Конечно, это скандальное положение дел вызывало какое-то сопротивление, но местное начальство без труда заглушало критику.

К тому же местное население было снисходительно к своим начальникам. Было хорошо известно, что они негодяи, но это были свои негодяи. Это напоминало состояние дел в некоторых странах третьего мира после деколонизации: заморским правителям не было бы прощения за то, что сходили с рук сменившим их представителям местной элиты. Все это стало меняться благодаря гласности. Когда обнаружилось истинное положение дел, были сделаны попытки реформ, болезненно отзывавшиеся на должностных лицах. В Москве росла уверенность, что в Средней Азии центральное руководство может полагаться лишь на очень немногих местных коммунистов.

Иная ситуация создалась на Кавказе и в Прибалтике. В Армении враждебность местного населения была направлена не столько против русских, сколько против собственных соседей и старых недругов. В балтийских республиках коррупция и раньше не была серьезной проблемой, но здесь накопилось сильнейшее недовольство против мигрантов из России и страх, что местное население растворится среди пришельцев и лишится национальной самобытности. Некоторые даже сравнивали миграцию из России с чернобыльской катастрофой. В Средней Азии жизненные условия были хуже российских, но в небольших прибалтийских республиках они были заметно лучше. Тем не менее эти республики жаловались на "колониальную эксплуатацию" со стороны центра — они утверждали, что платят Москве, ничего не получая взамен...

Оставались секторы общественной жизни, вообще едва затронутые гласностью. Споры в высшем партийном руководстве были известны лишь в очень общем и приблизительном изложении... Имелись еще два института, оберегаемые от общественного обследования: вооруженные силы и КГБ. Правда, они присягнули на верность перестройке, хотя наблюдатель со стороны без труда убеждался, что не так-то много реформ было в них проведено. Произошли изменения в составе военного руководства, но они, вероятно, были бы произведены в любом случае. Что касается органов государственной безопасности, то они продемонстрировали замечательную преемственность руководства — здесь тоже произошли перемены, но на домашнем уровне. Армию критиковали за плохое обращение с новобранцами, но эти жалобы были направлены против младших командиров, а не против высшего командования. Время от времени оспаривалась и мудрость большой советской стратегии — задавались, например, вопросы, зачем было разворачивать ракеты типа СС-20 лишь для того, чтобы позднее их демонтировать? Или почему Советский Союз был вовлечен в гонку вооружений, которую он не мог себе позволить?

Это привело к спорам относительно стратегической "достаточности" как чего-то отличного от военного превосходства, составлявшего главную цель советских стратегов

с конца второй мировой войны. В этих дискуссиях стратеги противостояли гражданским экспертам, причем именно последние имели поддержку политического руководства страны, испытывавшего трудности из-за жестких пределов ее экономических возможностей. Новые командующие вооруженных сил подчеркивали необходимость реформ и "нового мышления", но при этом больше имели в виду модернизацию армий, нежели модификацию ее базисной стратегии.

У военных не было особого желания резко сокращать расходы на оборону; точно так же они не проявляли готовности обнародовать детали оборонного бюджета. Военное руководство приняло участие в политических дебатах, нападая на "пацифистствующих" интеллигентов и сетуя по поводу недостатка патриотизма у молодого поколения. Некоторые ученые выступили с утверждениями, что советская наука сильно страдает из-за того, что студенты были вынуждены отдавать военной службе свои самые творческие годы. Эта аргументация вызвала сильное недовольство представителей армии. Они оказывали открытую поддержку группам русских националистов, которые в 1986-1989 гг. возникли как внутри истеблишмента, так и вне его. Политическому руководству не уставали завуалированно напоминать, что Хрущева свергли отчасти потому, что он потерял доверие вооруженных сил из-за сокращений военного бюджета, вследствие чего сотни тысяч офицеров были вынуждены выйти в отставку.

КГБ выглядел более прореформистски настроенным, нежели вооруженные силы; без сомнения, там лучше понимали важность общественного мнения. Зарубежные операции КГБ привели его к осознанию относительной слабости Советского Союза по сравнению с другими промышленно развитыми странами, а деятельность внутри страны дала более реалистическое представление о внутренних неурядицах. Но КГБ проявил коллективное институциональное стремление не уступать ни одной из своих общественных и политических функций. Советский Союз стоит перед огромными трудностями и дома, и за рубежом — следовательно,

органы государственной безопасности сохраняют чрезвычайную важность. Нужно ли проводить какую-либо реорганизацию, например, следует ли разделить на организационном уровне внутренние и зарубежные операции? Это, в конце концов, был не более чем технический вопрос. Есть основания считать, что КГБ способствовал назначению Горбачева на пост генерального секретаря и поддерживал его в первые годы на этом посту. Однако Виктор Чебриков в своих выступлениях в 1987 г., будучи руководителем КГБ, ясно давал понять, что гласность зашла слишком далеко, что интеллигенты относятся ко всему слишком негативно и что если не держать национальности СССР под строгим контролем, они могут создать серьезные трудности.

Несколько сотрудников КГБ попали под обстрел за превышение власти или злоупотребление ею. Так случилось, например, на Украине: кого-то из них понизили в должности, но сама организация была ограждена от нападков. Неизменно подчеркивалось, что КГБ не несет никакой ответственности за преступления своих предшественников — ГПУ и НКВД — в 1930-е и 1940-е годы, что Комитет госбезопасности не повинен в утверждении культа секретности, пронизавшего все поры советского общества. Делались усилия по рекламированию открытости работы КГБ, но это были половинчатые дилетантские попытки. Организованные самим КГБ "разоблачения" его прошлых дел не шли дальше уже известного, и к тому же зачастую при этом сообщались ложные или дезориентирующие сведения. Определенные уступки гласности были лишь косметическими или же относились к мало важным вопросам. В этой сфере не произошло никаких серьезных перемен, да их и не могло быть, если принять во внимание характер режима. Существование гласности и органов государственной безопасности не могло быть простым делом. В течение десятилетий КГБ находился под строгим контролем партийного руководства. Однако оно потеряло былое единство, в результате чего может измениться и положение КГБ. Решающий вопрос состоит не в том, произойдет ли либерализация или демократизация КГБ, а в том, какова его вероятная политическая роль в противоборстве разных групп внутри партийного руководства.